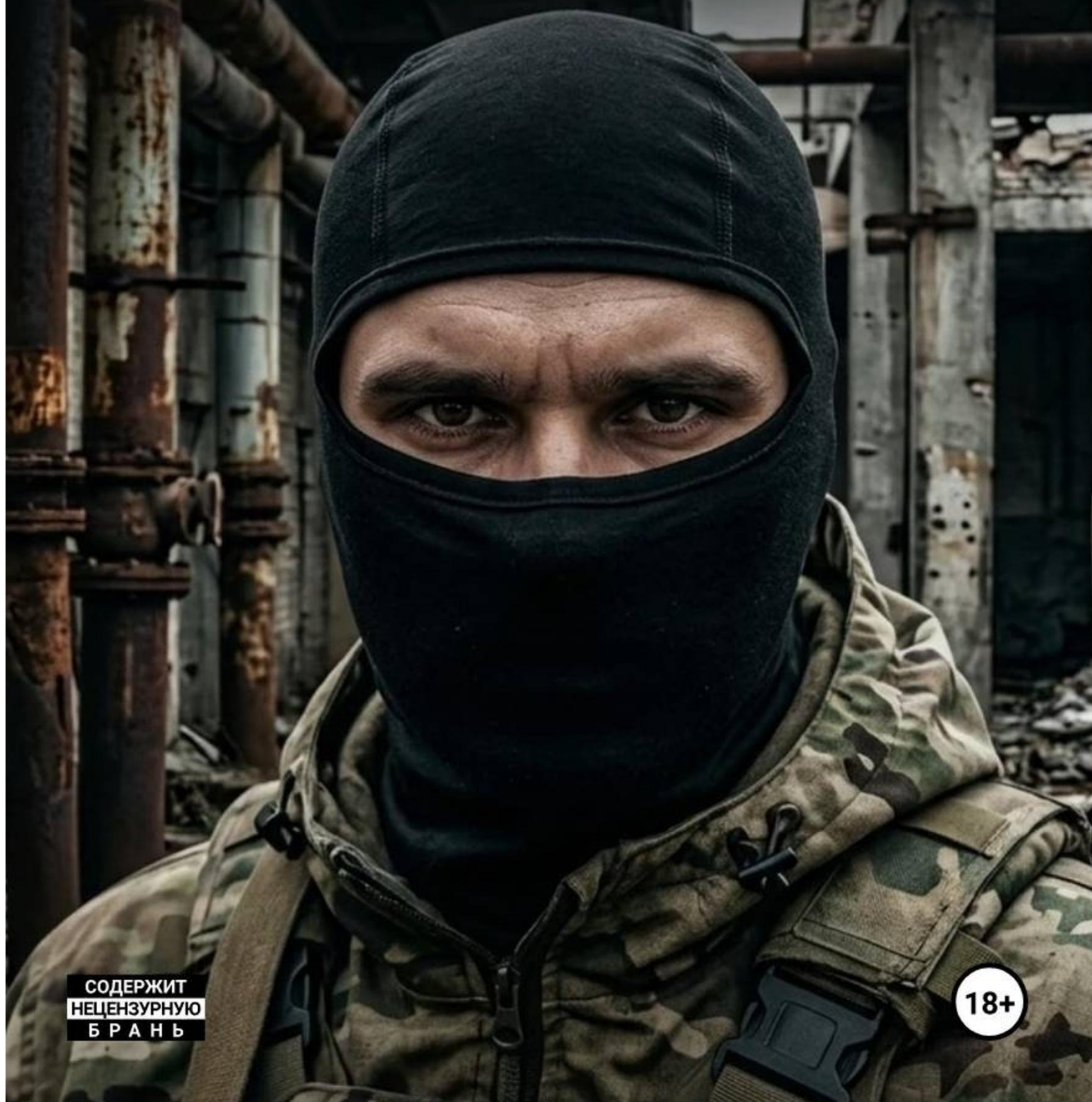

Дневник солдата с позывным «Аробей»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Гришили́н

**Дневник солдата с
позывным «Аробей»**

«Автор»

2026

Гришилин С.

Дневник солдата с позывным «Аробей» / С. Гришилин —
«Автор», 2026

Я поставил на кон всё, чтобы изменить свою жизнь. 9 октября 2022 года я подписал контракт. Сначала была учебка: граната вместо подъёма, позывные вместо имён, пустые магазины и бесконечные тренировки. Мы думали, что это сложно. Мы ещё не знали, что такое настоящая война. Эта книга — путь от заброшенного пионерлагеря до передка. От учебной тревоги до реального боя. От человека с пустым автоматом до бойца, который знает цену каждой секунды жизни. Дневник солдата с позывным «Аробей». Без прикрас. Без героики. Только правда — от первой гранаты до первого боя.

© Гришилин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Ставка ва-банк	5
Подъём	6
Подготовка	10
Музей авиаторов	14
Дезертир	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Гришили́н

Дневник солдата с позывным «Аробей»

Ставка ва-банк

Я принял решение не сразу. Но когда оно пришло, оно было твердым, как бетон.

Я устал. Устал от этой серой, предсказуемой обыденности, от дней, которые похожи один на другой, как копии. Жизнь будто зашла в глухой тупик, и я понял: если ничего не менять, то я так и сгнию в этом болоте. Я решил рискнуть. Поставить на кон всё. Может быть, чтобы наконец почувствовать себя живым, а может, просто чтобы круто изменить свою судьбу. Когда нам предложили контракт, я не стал долго думать. Обратного пути не было.

Сначала был перелет в Ростов. Нас привезли на распределительный пункт. Там выдали форму — новую, еще с заводским запахом. Мы переодевались, но выдавали только одежду. Автоматов и вообще никакого оружия на руки не давали. Странное чувство: ты уже в системе, ты уже в камуфляже, но в руках пусто.

Нас загнали в два автобуса, и мы поехали. Часа четыре тряслись по трассе, пока пейзаж за окном не скрылся в сумерках.

Высадили нас глубокой ночью, прямо на обочине какой-то дороги. Кромешная тьма. Глаза не видели ровным счетом ничего, кроме едва угадываемых в темноте массивных силуэтов военных грузовиков. Они стояли, работая на холостых, как огромные железные звери, ждущие добычу.

— Загружайся! — скомандовали нам.

Мы начали набиваться в кузова. Теснота была адская. По тридцать пять, а то и по пятьдесят человек в одну машину. Плечом к плечу, в духоте, пахло потом, табаком и новой обувью. Брезент на ветру хлопал, а сам грузовик трясло так, что зубы стучали. Ехали так еще пару часов. В кузове почти никто не разговаривал. Только гул мотора и стук металла. Каждый думал о своем.

Когда мы наконец вывалились из машин и размяли затекшие ноги, мы поняли, что приехали. Это был заброшенный пионерский лагерь.

Но в основные корпуса нас не повели. Нас быстро распределили по небольшим летним хибаркам. Они стояли по кругу и представляли собой что-то вроде закрытых стеклянных беседок или веранд — по периметру застекленные, с деревянными стенами. Внутри каждая такая хибара была размером с обычную двухкомнатную квартиру. Пахло прелой листвой, сыростью и старой пылью.

Мы просто зашли внутрь, скинули сумки в углы и рухнули кто куда. Ни кроватей, ни нормального света. Просто пол, спальники и куртки.

Я лег, подложив под голову свернутую робу. Вокруг уже слышалось тяжелое, уставшее дыхание десятков мужиков. Завтра нам должны были выдать оружие. Завтра начнется учеба. Я закрыл глаза в этой темной, пыльной стекляшке и понял: ставка сделана. Фишки на столе. Теперь всё зависит только от меня.

Подъём

Ночь пролетела как один тяжелый вдох.

Нас подняли не горном. Не побудкой. Не криком "Рота, подъём!" — да и роты у нас никакой не было, были какие-то мини-взводы, мини-группы, непонятная мешанина из людей.

Нас подняли гранатой.

Дверь нашей стеклянной хибары открылась. Я ещё не успел толком проснуться, как услышал чей-то отчаянный крик:

— ГРАНАТА!

Я открыл глаза. Ничего не понял. Какая граната? Откуда?

Но вокруг уже началась дикая суeta. Кто-то орал, кто-то метался по комнате, пытаюсь понять, что происходит. Я видел только хаос — движения, испуганные лица в полумраке.

И тогда — грохот.

Я зажмурился инстинктивно. Дым, крики, суeta.

Через минуту дверь снова открылась, и вошёл наш инструктор. Он спокойно обвёл нас взглядом. Ни злости, ни насмешки. Просто холодный, оценивающий взгляд профессионала.

— Будь она настоящая, — тихо, но так, что услышал каждый, начал он, — вы были бы все двухсотыми.

Он сделал паузу, давая словам дойти.

— Как бы вы ни пытались убежать от гранаты — вы от неё не убежите. Забудьте всё, что вы видели в фильмах. Забудьте, что кто-то может её отбить ногой, накрыть собой, или ловко выкинуть обратно в противоположную сторону. Это всё кино. В реальной жизни после такого вы можете быть только двухсотым. Или, в лучшем случае, тяжёлым трёхсотым.

— А что тогда делать? — не выдержал кто-то. — Бегать?

— Бегать некуда. Радиус поражения — он такой, какой есть, — инструктор усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — Делать нужно вот что. Падаешь на спину. Не на живот, не на бок — на спину. Автомат плашмя кладем себе на грудь. Прикладом вниз, чтобы он намертво закрывал пах. Там артерии, их прикрывать важнее всего. Руки скрещиваешь на груди, локтями на уровне виска, голову вжимаешь в плечи.

Он обвёл взглядом притихших бойцов.

— В этой позе ты остаешься живым. Взрывная волна и основная шрапнель уйдут в землю, и в верх, и лишь малая часть заденет тебя. Если на ногах хорошие, толстые берцы — отделаться лишь гематомой, синяком до черноты. Если обувь дерьмо — посечет осколками. Но главное: ты жив. Ноги болят, может быть, даже не дают встать, но ты всё ещё боеспособен. Лежишь, упираешься и продолжаешь вести бой.

В помещении стояла тишина. Только кто-то тяжело дышал, приходя в себя.

— У вас есть час, — продолжил инструктор тем же ровным голосом. — Приведите себя в порядок, позавтракайте. Ровно в 8:00 я жду всех возле сцены на улице. Кто опоздает — пожалеет.

Он развернулся и вышел, так же спокойно, как и вошёл. Дверь за ним закрылась.

Мы остались стоять в этой тесной хибаре. Кто-то уже начал громко возмущаться: «Да вы охренели?», «Так поднимать людей?!», «Это же издевательство!». Кто-то молча, спокойно собирался, делая вид, что ничего не произошло. А кто-то просто стоял, тяжело моргая, пытаюсь сообразить, что только что случилось.

Я стоял посреди комнаты и смотрел в пол.

Странное дело — страха не было. Совсем. Ни дрожи в коленках, ни учащённого сердцебиения. Может, потому что я ещё не до конца понял, что произошло. А может, потому что

внутри меня что-то уже давно было готово к такому. К тому, что жизнь теперь будет другой. Жёсткой. Без скидок.

Я начал собирать свои вещи. До сбора у сцены оставался час. Первый час моей новой жизни.

Мы молча собирались. Кто-то уже не возмущался, кто-то продолжал тихо ругаться, но все понимали: спорить бесполезно. Здесь другие правила.

Когда мы вышли из хибары, нас повели к зданию столовой. Утренний воздух был холодным, пахло прелой листвой и дымом от костров. Мы шли молча, гуськом, по разбитой тропинке между корпусами.

В столовой выдали паёк: макароны с говядиной и чай с хлебом. Еда была простой, горячей, но никто не жаловался. Мы ели быстро, молча, как будто боялись опоздать. Как будто после той гранаты у нас внутри что-то щёлкнуло, и теперь каждый старался не высовываться.

Позавтракали, вышли на улицу и пошли к сцене.

Она стояла посреди площади — старая, деревянная, с облупившейся краской. Рядом с ней уже ждал наш инструктор. Но он был не один. Вокруг него стояли ещё пятеро. Все в камуфляже, все в балаклавах. Лиц не видно — только глаза. Тёмные, спокойные, внимательные. Они стояли молча, скрестив руки на груди, и смотрели на нас.

Мы построились. Инструктор шагнул вперёд.

— Так, — начал он ровным голосом. — Сейчас вам выдадут бумаги. Вы должны повторно подписать контракт. Указать свои ФИО. И — самое главное — номера людей, которым позвонят в случае вашей гибели.

Он сделал паузу, обводя нас взглядом.

— Если вы не хотите, чтобы выплаты получали вы — укажите тех, кому доверяете. Кто сможет забрать деньги дома. Но подумайте хорошо. Это не шутка.

Начали раздавать бумаги. Я взял лист, ручку. Посмотрел на строчки. ФИО. Дата рождения. Адрес. Контактное лицо. Номер телефона.

Рука не дрожала. Я вписал свои данные. Потом задумался. Кому звонить? Кому доверить эти деньги, если меня не станет?

Вокруг меня мужики тоже заполняли бумаги. Кто-то писал быстро, не задумываясь. Кто-то долго смотрел в лист, потом медленно выводил буквы. Кто-то нервно курил, держа ручку в зубах.

Никто не шутил. Никто не смеялся.

В этот момент война перестала быть абстракцией. Она стала конкретными строчками в бланке. Конкретными цифрами выплат. Конкретными людьми, которым будут звонить и говорить: "Ваш сын, муж, брат погиб при исполнении".

Я дописал, сложил лист и отдал инструктору. Он молча взял, посмотрел на меня, кивнул.

— Так, — сказал он. — Теперь вы не просто добровольцы. Теперь вы — контрактники. Со всеми последствиями.

Он обвёл нас взглядом.

— Запомните: с этой минуты вы принадлежите не себе. Вы принадлежите компании. И ваша задача — выжить и выполнить задачу. Всё остальное — вторично.

Пятеро в балаклавах молча стояли рядом. Их глаза смотрели на нас, и в этом взгляде не было ни жалости, ни сочувствия. Только холодное понимание: здесь не место для слабости.

Я стоял в строю и смотрел на сцену. На облупившуюся краску, на старые доски. Когда-то здесь, наверное, пели песни пионеры. А теперь здесь стояли мы — люди, которые подписали бумаги о том, кому звонить в случае их смерти.

Когда все бумаги были сданы, инструктор сказал:

— Сейчас у вас свободное время до обеда. Кому надо — зашейте одежду, приведите себя в порядок. Отдохните. В двенадцать часов — обед. После обеда, в 14:00, все собираетесь в столовой. Будет распределение по взводам. Получите личные жетоны и позывные.

Он посмотрел на нас.

— И запомните: позывной — это теперь ваше имя. Забудьте свои фамилии. Отныне вы — позывные.

Мы разошлись.

Кто-то пошёл обратно в хибары, чтобы прилечь. Кто-то достал иголки с нитками и начал ушивать одежду. Кто-то просто сел на траву и закурил, глядя в небо.

Я тоже вернулся в свою стекляшку. Сел на пол, прислонившись спиной к стене. Вокруг лежали мужики — кто спал, кто молча курил, кто просто смотрел в потолок.

Тишина.

После утреннего адреналина наступило странное спокойствие. Как будто все мы поняли: сейчас нас разделят на взвода, и каждый взвод станет отдельным организмом. Мы перестанем быть просто толпой добровольцев. Мы станем бойцами с позывными.

Я закрыл глаза. В голове крутились мысли о доме, о том, что осталось там, за тысячи километров. Но эти мысли были какими-то далёкими, размытыми. Как будто я смотрел на свою прошлую жизнь через мутное стекло.

В двенадцать нас снова позвали в столовую.

Обед был простым: суп, каша с тушёнкой, компот, хлеб. Мы ели быстро, молча. Никто не шутил, не смеялся. Все понимали: после обеда начнётся что-то новое.

В 14:00 все собрались в столовой. Нас построили в одну длинную очередь. Впереди стояли два стола.

— Так, — начал инструктор. — Сейчас вы подходите по очереди. Первый стол — получаете жетон с номером. Второй стол — компьютер выдаёт позывной. Запомните его. Это ваше новое имя.

Процесс пошёл.

Мы двигались медленно. Каждый подходил к первому столу, получал маленький металлический прямоугольник с выбитыми цифрами — личный жетон. Потом переходил ко второму столу, где сидел человек за компьютером. Компьютер рандомно выдавал позывной.

Это заняло много времени. Часа три мы так стояли в очереди. Кто-то нервно курил, кто-то переминался с ноги на ногу, кто-то просто молча ждал.

Когда дошла очередь до меня, я шагнул к первому столу.

— Держи, — сказал человек за столом, протягивая жетон.

Я взял металлический прямоугольник, посмотрел на цифры. Потом перешёл ко второму столу.

Человек за компьютером нажал пару клавиш, посмотрел на экран.

— Твой позывной — "Аробей", — сказал он. — Первый взвод.

Аробей.

Я кивнул, запомнил. Первый взвод. Позывной "Аробей".

Я отошёл в сторону и стал ждать, пока все получают жетоны. Вокруг меня собирались такие же, как я — с металлическими прямоугольниками в руках, с новыми позывными в головах.

Я запомнил не всех. Но тех, с кем потом оказался рядом в одной группе, запомнил накрепко.

Диме выпал позывной "Толкиен". Аскару — "Хитин". Ване — "Баян". Саше — "Тамогавк".

"Аробей", "Толкиен", "Хитин", "Баян", "Тамогавк"...

Мы больше не были просто людьми. Мы стали позывными. Мы стали системой.

Когда все получили жетоны и позывные, инструктор снова вышел вперёд.

— Так, — сказал он. — Теперь вы — бойцы первого взвода. Завтра начнётся обучение. А сегодня — отдыхайте. Завтра в 6:00 подъём.

Мы разошлись по хибарам. Я сел на пол, сжимая в руке свой жетон. "Аробей". Странное имя. Но, может быть, именно таким я и должен был стать.

Первый день подходил к концу. Завтра начнётся учёба.

Подготовка

Второй день начался в пять утра.

Нас разбудил стук в дверь. Мы вскочили, сонные, с опухшими глазами. Кто-то ругался вполголоса, кто-то молча натягивал обувь. В хибаре было холодно — ночной холод пробрался сквозь стёкла и осел на стенах капельками конденсата.

Привели себя в порядок у ржавых умывальников на улице. Вода была ледяной, руки сводило. Мы плескали себе в лица, стараясь проснуться, и смотрели друг на друга — заспанные, небритые, в мятой форме.

Ровно в шесть пришёл инструктор.

— Стройся! Зарядка!

Мы выстроились на площадке перед столовой. Утренний туман ещё не рассеялся, пахло прелой листвой и дымом от костров. Инструктор встал перед нами, заложил руки за спину.

— Разминка! Бегом по кругу!

Мы побежали. Топот ног по разбитому асфальту, тяжёлое дыхание, облачка пара из ртов. Круг за кругом. Кто-то отставал, кто-то пыхтел рядом. Инструктор шёл посреди площадки, смотрел на нас, как на механизмы, которые нужно проверить на исправность.

После зарядки — завтрак. Опять макароны, чай, хлеб. Мы ели быстро, молча, уже не обращая внимания на вкус. Еда стала просто топливом.

После завтрака нас разделили на группы по пять человек. Наша группа — я, Толкиен, Хитин, Баян и Тамогавк — осталась вместе.

— Так, — сказал инструктор. — Сейчас вас распределят по станциям. Кто-то пойдёт получать бронежилеты и каски. Кто-то пойдёт на огневую — учиться заряжать патроны в магазины. Кто-то пойдёт получать оружие. Будете меняться по кругу.

Нас отправили на огневую. Там нам выдали пустые магазины и коробки с патронами. Инструктор показал, как правильно вставлять патроны: один за другим, с щелчком, до упора.

— Смотри, — говорил он, держа магазин в руках. — Патрон идёт ровно. Не перекашивай. Иначе заклинит. А заклинивший магазин в бою — это твоя смерть.

Мы сидели на земле, втыкали патроны в магазины. Щёлк. Щёлк. Щёлк. Пальцы болели, кожа натиралась. Кто-то ронял патроны в грязь, ругался, поднимал, вытирал о штанину и вставлял обратно.

Так мы просидели до обеда. В двенадцать нас позвали в столовую. Суп, каша, компот. Мы ели быстро, потому что знали: после обеда снова работа.

После обеда нас перемешали с другими группами. Теперь мы пошли получать экипировку. Но очередь двигалась медленно. Нас было слишком много, а экипировки на всех не хватало. Мы стояли, курили, переминались с ноги на ногу.

Так прошёл весь день. Мы стояли в очереди, курили, разговаривали тихо, смотрели, как солнце садится за лес. В восемь вечера наконец дошла очередь до нас.

— Так, по одному! — скомандовали. — Размер знаешь?

— Пятидесятый, — сказал я.

Он полез на полку, достал тяжёлую штуку.

— Держи. Бр-4.

Я взял бронежилет. Он был тяжёлый, жёсткий, пах новой тканью и каким-то химическим запахом. Я приложил его к себе — подошёл.

— Каску бери, — сказал выдававший боец, кивнув на полку.

Я взял каску. Она была тяжёлая, с подбородничным ремнём. Я надел её, затянул ремень.

— Так, — сказал он. — Теперь жди машину. Привезут оружие.

Мы вышли наружу. Было уже темно. Холодно. Мы стояли у дороги, курили, переминались с ноги на ногу.

— Когда машина? — спросил Толкиен.

— Не знаю, — пожал плечами Хитин. — Сказали ждать.

Мы ждали. Часы тянулись медленно. Девять вечера. Десять. Одиннадцать. Мы стояли в темноте, и смотрели на дорогу. Иногда проезжали машины, но они не останавливались.

— Может, завтра? — предположил Баян.

— Не похоже, — покачал головой Тамогавк. — Сказали ждать.

В двенадцать ночи наконец подъехала машина.

— Разгружайся! — крикнул водитель. — Оружие привезли.

Мы подошли к машине. Из кузова начали выгружать ящики. Инструктор открыл один ящик, достал автомат, завернутый в промасленную тряпку. Открыл второй ящик, заполненный магазинами

— Так, по списку, — сказал он, глядя в бумагу. — Кто первый?

Я шагнул вперед.

— Держи, — сказал он, протягивая мне автомат.

Я взял автомат, представлял его тяжелым, но на деле не более 5 кг., холодный. Я развернул тряпку.

Автомат.

АК-74. 1974 года выпуска.

Он был весь в смазке. Густой, чёрной, липкой смазке, которая покрывала каждую деталь. Я взял его в руки — и он чуть не выскользнул. Ладони стали скользкими, я едва удержал его.

— Осторожнее, — усмехнулся инструктор. — Его ещё почистить надо. А то выстрелишь — и сам не заметишь, как он улетит.

Мне выдали четыре пустых магазина. Я взял их, посмотрел на автомат. Он был легким, холодный, пах маслом и металлом. Я посмотрел на ствол, на приклад, на магазин. Это было моё оружие. Моё.

— Так, все получили? — спросил инструктор.

— Все, — ответил кто-то.

— Тогда по хибарам. Завтра в шесть подъём.

Мы разошлись. Я зашёл в хибару, сел на пол, положил автомат рядом, смотрел на него.

— Ну что, — тихо сказал Толкиен. — Теперь мы вооружены.

— Теперь мы вооружены, — кивнул я.

Но я знал: это только начало. Завтра тяжелый день. Завтра мы поймём, что это оружие — не просто металл. Это инструмент, который может спасти жизнь. Или забрать её.

Последующие дни слились в один бесконечный, изматывающий цикл, в котором утра теряли свои имена, а вечера не приносили облегчения.

Подъём в пять утра. Зарядка. Завтрак. И снова работа.

Бег был с полной выкладкой, но без боекомплекта. Бронежилет БР-4, каска, автомат на ремне, подсумки — всё на тебе. Магазин пустой, патроны пока не выдавали. Зато вес чувствовался каждый грамм. Спина ныла, плечи горели, ноги гудели, но мы бежали по разбитым дорожкам лагеря и лесным тропинкам. Инструктор иногда бежал рядом, и кричал:

— Быстрее!

Кто-то отставал, кто-то падал, кто-то просто шёл, потому что больше не мог бежать. Но никто не останавливался. Потому что знали: если остановишься — догонят, и будет хуже.

После бега начиналась тактическая подготовка. Инструктор ходил вдоль строя, безжалостно сбивая торчащие локти прикладом или рукой.

— Прижать! Плотно к корпусу! — рявкал он, останавливаясь рядом с каждым. — Запомните раз и навсегда: локти не должны торчать. Во-первых, так твой силуэт меньше, тебя слож-

нее заметить и в тебя сложнее попасть. А во-вторых, если растопыришь руки, как крылья, тебе их просто отстреляют. Локоть наружу — это готовая мишень. Потерял локоть — потерял оружие. Поняли?

Мы вжимали руки, мышцы дрожали от напряжения, но держали автомат максимально близко к телу. Инструктор ходил между нами, поправлял, иногда давал подзатыльник, если кто-то расслаблялся.

— Ты что, на базаре стоишь? Прижми!

Потом учили правильно пригибаться и двигаться.

— Чем ты ниже, тем ты живее, — повторял инструктор. — Не ходи в полный рост там, где можно пригнуться. Не высовывайся там, где можно спрятаться. Силуэт должен быть как можно меньше. Ты не должен торчать над травой, как столб.

Мы приседали, наклонялись, учились двигаться полусогнутыми. Колени трещали, спина ныла, но мы повторяли. Снова и снова. Присел. Встал. Присел. Встал. Пока ноги не переставали слушаться.

А затем началась муштра с оружием. Неполная и полная перекладка автомата.

— Полная перекладка! — командовал инструктор.

Мы прижимали приклад к другому плечу — правое становилось левым, левое правым. Руки переставлялись: цевьё переходило из одной ладони в другую, спусковой крючок занимала противоположная рука. Движение должно было быть плавным, без лишних рывков, без стука металла. Автомат не должен был болтаться, он должен был плотно прилегать к телу, как влитой.

— Неполная! Быстро!

Мы меняли хват коротким, отработанным движением. Только смена положения рук, без переноса приклада к другому плечу. Быстро, чётко, без суеты.

— Снова полная!

Мы прижимали приклад к другому плечу, переставляли руки. Снова и снова. До тех пор, пока руки не начинали гудеть, а пальцы не деревенели. Инструктор требовал идеального исполнения, потому что знал: в бою, когда адреналин зашкаливает, а вокруг свистят пули, ты будешь делать только то, что довел до автоматизма здесь, в этом лагере.

— Зачем вам это? — спрашивал он, глядя на наши уставшие лица. — Затем, что когда вы будете стрелять из-за угла, из-за дерева, из-за укрытия, вам нужно будет быстро сменить плечо. Иначе вы подставите себя, вылезете целиком, и вам прилетит пуля в голову. Поняли? Полная перекладка — это ваша жизнь. Неполная — это скорость. Запомните.

Мы запоминали. Через боль, через усталость, через сотые повторения.

Так прошла неделя.

Каждый день — одно и то же. Бег с полной выкладкой. Тактика. Перекладка. Обед. Снова бег. Снова тактика. Снова перекладка. Ужин. Отбой. Подъём. И всё сначала.

Мы уставали так, что вечером не могли даже разговаривать. Просто ложились на пол в своей стеклянной хибаре, закрывали глаза и засыпали мгновенно, как только голова касалась спального. Сны были тяжёлые, рваные. Кто-то бормотал во сне, кто-то вскрикивал, кто-то просто ворочался, не находя удобной позы для затекшей спины.

Но постепенно тело начинало привыкать. Руки переставали дрожать после сотой перекладки. Спина не так сильно ныла после марш-броска. Колени переставали подгибаться после приседаний. Автомат перестал быть чужим, неудобным куском железа и начал становиться продолжением тела.

Мы менялись. Медленно, через боль и усталость, но менялись. Из толпы гражданских, которые неделю назад не знали, как правильно держать оружие, мы постепенно превращались в нечто другое. В бойцов. Пока ещё неопытных, неумелых, но уже начинающих понимать, что война — это не кино. Что здесь нет дублей. Что одна ошибка — и ты двухсотый.

Инструктор смотрел на нас и, кажется, начинал видеть в нас что-то большее, чем просто мясо для пулемёта. Он уже не так часто орал. Иногда просто молча поправлял чей-то локоть, хват, стойку. И это молчаливое внимание ценилось больше, чем любые крики.

Неделя подошла к концу. Мы стояли, уставшие, грязные, но уже не такие, какими были семь дней назад. Автоматы в руках лежали увереннее. Движения стали чётче.

— Так, — сказал инструктор, обводя нас взглядом. — Неделя прошла. Держать оружие, перекладывать его. Теперь пойдём дальше. Завтра — стрельбы.

Он сделал паузу.

— И запомните: до этого момента вы просто носили железо. Завтра вы узнаете, что значит стрелять. И не факт, что всем понравится.

Мы молча стояли в строю. Завтра будет новый день. Новый этап. И мы были готовы. Или, по крайней мере, думали, что готовы.

Музей авиаторов

Следующее утро началось раньше обычного.

Нас подняли в четыре утра, ещё до рассвета. Туман стелился по земле, цеплялся за кусты и деревья, делая мир серым и размытым. Мы быстро собрались, позавтракали — опять макароны и чай — и вышли из столовой.

Инструктор уже ждал нас. Рядом стояли два грузовика с брезентовыми тентами.

— Сегодня едете на новое место. Музей авиаторов. Загружайтесь.

Мы полезли в кузова. Тесно, как всегда. Плечом к плечу, автомат к автомату. Машина тряхнула, и мы поехали.

Ехали долго. Часа два, может, больше. Дорога была разбитая, грузовик подпрыгивал на кочках, мы шутили разряжая обстановку, держась за борта, чтобы не вывалиться. Вокруг мелькали деревья, какие-то заброшенные деревни, ржавые столбы с оборванными проводами. Война уже оставила свои следы везде.

Когда мы приехали, было уже светло.

Музей авиаторов оказался странным местом. Это была огромная территория, где стояли старые самолёты — ржавые, облупившиеся, с разбитыми стёклами кабин. Ил-ы, МиГи, какие-то транспортники. Они стояли рядами, как забытые гиганты, и выглядели так, будто время здесь остановилось ещё в прошлом веке.

Трава пробивалась сквозь асфальт. На крыльях самолётов гнездились птицы. Воздух пах керосином, ржавчиной и прелой листвой.

— Так, — сказал инструктор, когда мы выгрузились. — Располагайтесь вон в тех ангарах. Там нормально, сухо. Сейчас вас распределят по постам.

Мы зашли в ангары. Внутри было просторно, пахло металлом и пылью. На полу лежали старые матрасы, одеяла. Не роскошь, но лучше, чем стеклянные хибары в пионерлагере.

— Первый взвод, на выход! — скомандовал инструктор.

Мы вышли.

— Сейчас будете стоять на фишках. По два часа. Без боекомплекта. Магазины пустые. Задача — стоять, смотреть, докладывать. Поняли?

Мы кивнули.

— Фишки — это точки на территории. Каждая точка — это пост. Вы стоите, смотрите по сторонам. Если видите что-то подозрительное — докладываете. Если ничего не видите — всё равно стоите. Два часа. Потом смена.

Нас развели по точкам. Мне достался пост возле старого Ил-76. Самолёт стоял на бетонной площадке, крылья были раскинуты, как у мёртвой птицы. Я встал возле шасси, автомат на груди, магазины пустые.

— Стоишь два часа. Никуда не отлучаешься. Если что — сообщишь в радейку по четвертому каналу, я приду, — сказал инструктор и ушёл.

Я остался один.

Первые минуты было странно. Я стоял, держал автомат, смотрел по сторонам. Вокруг тишина. Только ветер шелестел в траве, где-то далеко кричала птица. Солнце поднималось, туман рассеивался.

Я смотрел на ржавый самолёт, на разбитые иллюминаторы, на облупившуюся краску. Думал о том, что когда-то здесь, наверное, были лётчики, техники, кто-то обслуживал эти машины. А теперь здесь стоим мы, с пустыми автоматами, на посту, который никто не атакует.

Два часа тянулись бесконечно долго.

Ноги затекали, спина ныла, автомат казался тяжёлым, хотя был без магазина. Я переступал с ноги на ногу, смотрел по сторонам, но ничего не происходило. Просто стоял. Просто смотрел.

Через два часа пришёл инструктор.

— Смена! — крикнул он. — Иди отдыхай.

Я кивнул, пошёл обратно в ангар. Там уже лежали другие, те, кого сменили на постах.

— Ну как? — спросил Толкиен, который стоял на посту до меня.

— Нормально, — пожал я плечами. — Скучно.

— Ага, — усмехнулся он. — Я тоже думал, что меня забыли.

Мы легли, закрыли глаза. Отдых был коротким — через пару часов снова на пост.

Так прошёл первый день. Посты, ангар, еда, снова посты. Мы стояли по два часа, смотрели на ржавые самолёты, на траву, на небо. Ничего не происходило. Но инструктор говорил, что это важно. Что мы учимся стоять, учимся наблюдать, учимся не расслабляться.

На второй день нас вывезли на полигон.

Это было поле за территорией музея. Грязное, разбитое, с окопами и траншеями. Инструктор построил нас и объяснил:

— Сегодня учимся работать в двойках и тройках. Шахматный порядок. Поняли?

Мы кивнули, хотя не все понимали.

— Двойка — это два бойца. Тройка — три. Вы двигаетесь не вместе, а по очереди. Один двигается, второй прикрывает. Потом второй двигается, первый прикрывает. Шахматный порядок — это когда вы не идёте в одну линию, а смещаетесь. Один впереди, другой сзади и сбоку. Поняли?

Мы кивнули.

— Сейчас разобьётесь на тройки. И начнём отработку.

Нас разбили на группы по три человека. Я попал в тройку с Толкиеном и Хитиным.

— Аробей, ты первый. Толкиен, ты второй. Хитин, ты третий. Аробей двигается, Толкиен и Хитин прикрывают. Потом Толкиен двигается, Аробей и Хитин прикрывают. Поняли?

Мы кивнули.

— Начали!

Я сделал шаг вперёд, пригнулся, автомат наготове. За мной Толкиен и Хитин стояли, смотрели по сторонам, держали автомат наготове. Я прошёл несколько метров, остановился, развернулся.

— Стоп! — крикнул инструктор. — Теперь Толкиен!

Толкиен двинулся вперёд. Я и Хитин прикрывали. Он прошёл несколько метров, остановился.

— Хитин!

Хитин двинулся. Мы прикрывали.

Так мы двигались по полю. Шаг за шагом. Один идёт, двое смотрят. Потом следующий. Инструктор ходил рядом, кричал, поправлял:

— Не стой на месте! Двигайся! Прикрывай сектор! Не смотри под ноги, смотри по сторонам!

Мы двигались. Потели. Автоматы тяжелеют в руках. Ноги устают. Но мы повторяли. Снова и снова.

После обеда нам выдали боекомплект. По два магазина на брата.

— Сейчас пойдём на стрельбище. Стреляем одиночными. Положение стоя, сидя, лежа. Поняли?

Мы кивнули.

Нас построили у мишеней. Мишени стояли на расстоянии ста метров. Бумажка формата А4.

— Первый! Выходи! Положение стоя! Заряжай!

Я шагнул вперёд, вставил магазин в автомат, передёрнул затвор. Патрон дослался в патронник.

— Огонь!

Я прицелился, нажал на спуск. Бах! Автомат дёрнулся в руках, отдача ударила в плечо. Я выстрелил, передёрнул затвор, снова прицелился. Бах!

— Стоп! — крикнул инструктор. — Следующий!

Я отошёл, следующий вышел. Так мы стреляли по очереди. Стоя. Потом сидя. Потом лежа.

Стрельба была короткой. Два магазина — это всего шестьдесят патронов. Мы быстро расстреляли их, и инструктор сказал:

— Так, патроны кончились. Идите обратно.

Мы развернулись и пошли обратно в музей.

Вечером, в ангаре, мы лежали, уставшие, и обсуждали день.

— Ну как стрельбы? — спросил Баян.

— Нормально, — пожал плечами Тамогавк. — Автомат бьёт хорошо. Только прицел сбит немного.

— У меня тоже, — кивнул я. — Но стрелять можно.

— Главное — не промахнуться, — усмехнулся Толкиен. — А то патроны кончатся, а ты ни одного попадания не сделал.

Мы посмеялись.

День закончился. Завтра будет новый. Но мы уже начинали понимать, что война — это не только бег и перекладка. Это ещё и умение работать вместе. В двойке. В тройке. Прикрывать друг друга. Двигаться шахматным порядком. И стрелять. Точно. Без промахов.

Третий день начался так же, как предыдущий — с постов.

Мы стояли на фишках по два часа, смотрели на ржавые самолёты, на траву, на небо. Ничего не менялось. Но инструктор говорил, что это важно. Что мы учимся дисциплине, учимся не расслабляться.

После постов нас снова вывезли на полигон.

Сегодня отрабатывали работу в двойках. Нас разбили на пары. Я попал в пару с Тамогавком.

— Двойка — это проще, чем тройка. Один двигается, второй прикрывает. Потом наоборот. Но важно — не терять друг друга из виду. Если твой напарник пропал — ты стопоришься, ждёшь, пока он не появится. Поняли?

Мы кивнули.

— Начали!

Мы двинулись по полю. Тамогавк впереди, я сзади, прикрываю. Он прошёл несколько метров, остановился, развернулся.

— Чисто! — крикнул он.

Я двинулся вперёд. Он прикрывал. Я прошёл несколько метров, остановился.

— Чисто! — крикнул я.

Он двинулся. Я прикрывал.

Так мы двигались по полю. Шаг за шагом. Один идёт, второй смотрит. Инструктор ходил рядом, кричал:

— Не теряй его из виду! Смотри на напарника! Прикрывай сектор!

Мы двигались. Потели. Уставали. Но повторяли. Снова и снова.

После обеда нас повезли на другую часть полигона. Там был самодельный городок — из старых покрышек, ящиков, каких-то щитов. Всё это было сложено так, чтобы имитировать городские условия — улицы, переулки, углы зданий.

— Так, — сказал инструктор. — Сегодня работаем в городских условиях. Двойки и тройки. Задача — зачистить здание. Поняли?

Мы кивнули.

Нас разбили на тройки. Я, Толкиен и Хитин.

— Так, — сказал инструктор. — Вы заходите в здание. Аробей — первый. Толкиен — второй. Хитин — третий. Аробей заходит, смотрит по сторонам, докладывает. Толкиен заходит, прикрывает сектор. Хитин заходит, закрывает последний сектор. Поняли?

Мы кивнули.

— Начали!

Мы подошли к входу в "здание" — это была дыра в стене из покрышек. Я шагнул внутрь, автомат наготове. Осмотрелся.

— Чисто! — крикнул я.

Толкиен шагнул за мной, прикрывал правый сектор.

— Чисто справа! — крикнул он.

Хитин шагнул последним, прикрывал левый сектор.

— Чисто слева! — крикнул он.

Мы двинулись дальше, по "комнатам". Заходили, осматривались, докладывали. Двигались быстро, но осторожно. Инструктор ходил рядом, кричал, поправлял:

— Не стой в проёме! Зайди, прижмись к стене! Смотри по углам! Не теряй напарников!

Мы двигались. Потели. Автоматы тяжелеют в руках. Но мы повторяли. Снова и снова. Заходили в "здания", зачищали "комнаты", докладывали.

На четвёртый день нас вывезли в лес.

Это был лес за территорией музея. Густой, тёмный, с оврагами и балками. Инструктор построил нас и сказал:

— Сегодня работаем в лесополосе. Двойки и тройки. Задача — двигаться через лес, не демаскировать себя. Поняли?

Мы кивнули.

Нас разбили на тройки. Я, Баян и Тамогавк.

— В лесу важно — не шуметь. Не ломать ветки. Двигаться тихо. Один впереди, двое сзади, прикрывают. Поняли?

Мы кивнули.

— Начали!

Мы вошли в лес. Баян впереди, я и Тамогавк сзади. Он шёл тихо, старался не ломать ветки, не хрустеть под ногами. Мы шли за ним, прикрывали, смотрели по сторонам.

Лес был тёмный, сырой. Пахло прелой листвой, грибами, сыростью. Под ногами хрустели ветки, но мы старались идти тихо.

Баян шёл впереди, останавливался, слушал. Потом двигался дальше. Мы шли за ним.

— Стоп! — шепнул он вдруг.

Мы остановились.

— Что? — шепнул я.

— Ветку сломал, — шепнул он в ответ. — Громко получилось.

— Ничего, — шепнул Тамогавк. — В бою всё равно шум будет.

— Знаю, — кивнул Баян. — Но привыкать надо.

Мы двинулись дальше. Тихо, осторожно, стараясь не шуметь.

Инструктор шёл рядом, смотрел, поправлял:

— Не топайте! Смотрите под ноги! Не ломайте ветки!

Мы двигались через лес. Овраги, балки, поваленные деревья. Мы перелезали через них, обходили, прикрывали друг друга.

Так прошёл четвёртый день. Посты, полигон, городок, лес. Мы уставали так, что вечером вырубались. Просто ложились в ангаре, закрывали глаза и засыпали мгновенно.

На пятый день, после обеда, нас построили.

— Завтра — сказал инструктор. — Вас забирают. Едете на новое место. Сегодня отдыхайте, собирайтесь.

Мы кивнули.

— Что за место? — спросил кто-то.

— Не знаю, — пожал плечами инструктор. — Какая то нефтебаза или газовая станция. Там продолжите обучение.

Мы разошлись по ангарам. Начали собираться. Упаковывать вещи, чистить автоматы, проверять экипировку.

Вечером мы лежали, обсуждали, что будет дальше.

— Как думаешь, что там будет? — спросил Толкиен.

— Не знаю, — пожал плечами я. — Наверное, продолжим обучение.

— Может, уже на фронт? — предположил Хитин.

Мы замолчали.

Фронт. Это слово звучало странно. Мы уже почти две недели здесь, в тылу, учимся, тренируемся. Но война идёт там, за лесом, за полями. И мы знаем, что рано или поздно нас туда отправят.

— Ну, посмотрим, — сказал Тамогавк. — Завтра узнаем.

Мы легли спать. Завтра будет новый день. Новый этап. И мы были готовы. Или, по крайней мере, думали, что готовы.

Утром нас погрузили в грузовики. Мы поехали. Куда — не знали. Но чувствовали: что-то меняется. Что-то новое начинается.

Дезертир

Грузовики остановились на территории, которая больше напоминала декорации к постапокалиптическому фильму, чем действующий промышленный объект.

Это была нефтебаза. Или газовая станция. Мы так и не поняли до конца, что это было. Но выглядело это место так, будто война прошла здесь не один раз. Полуразрушенные здания с выбитыми окнами, покосившиеся стены, ржавые трубы, которые уходили в разные стороны, как вены какого-то мёртвого гиганта. Асфальт был потрескавшийся, местами вообще отсутствовал, вместо него — грязь, щебень и ржавые куски металла.

— Разгружайся! — скомандовал водитель.

Мы вылезли из кузовов, размяли затекшие ноги, огляделись. Место было депрессивным. Серое, мёртвое, какое-то заброшенное. Но при этом — огороженное. По периметру тянулся забор, местами целый, местами пробитый. Внутри — несколько зданий, какие-то ангары, административные постройки.

— Располагайтесь, — сказал инструктор, который ехал с нами. — Вон в тех зданиях. Места хватит, там уже народ есть.

Мы пошли к зданиям. Внутри было лучше, чем снаружи. Стены целые, крыша не течёт, пол более-менее ровный. Но пахло сыростью, пылью и каким-то химическим запахом — то ли от нефти, то ли от газа, то ли просто от старой краски.

Там уже было много народу. Другие группы, другие взвода. Люди сидели на полу, чистили оружие, курили, разговаривали тихо. Атмосфера была напряжённая, какая-то другая, не такая, как в музее авиаторов. Там мы были одни, свои. А здесь — чужие, в гостях.

Нас распределили по зданиям. Объединили по пятнадцать человек в группу. Смешали с другими, кто уже был здесь. Мы попали в здание с Толкиеном, Хитиным, Баяном и Тамогавком, но к нам добавились ещё десять человек из других взводов.

— Располагайтесь. Вечером построение. — сказал кто-то из старших.

Мы разложили вещи, сели на пол. Автоматы рядом, каски рядом, бронежилеты рядом. Всё под рукой.

— Ну что, — тихо сказал Толкиен. — Как тебе местечко?

— Весёлое, — усмехнулся я. — Прямо курорт.

— Ага, — кивнул он. — Только отдыха не будет. Чую.

Он не ошибся.

Наступила ночь. Мы легли спать, кто как мог. Кто-то на полу, кто-то на старых матрасах, кто-то просто на спальниках. Было холодно, сыро, пахло пылью и какой-то химией. Я закрыл глаза, но сон не шёл. Что-то внутри напрягалось, как будто чувствовало: сейчас что-то будет.

И оно началось.

Примерно в час ночи нас подняли.

Не криком, не стуком. Просто резко в здание зашёл инструктор. Лицо серьёзное, напряжённое.

— Подъём! Стройся! Быстро!

Мы вскочили, схватили оружие, выбежали на улицу. Ночь была тёмная, без луны. Холодно. Мы построились, инструктор обошёл нас взглядом.

— Так, — начал он тихо, но так, что каждый услышал. — У нас ЧП. Один из наших, сбежал. Дезертир.

Он сделал паузу.

— Он уроженец Луганской области. В 2014 году бежал в Россию. А теперь подписал контракт, получил оружие, и решил дезертировать. Перейти на сторону Украины.

Мы молчали. Слушали.

— Он сейчас где-то здесь, — продолжил инструктор. — В лесу, который уходит от труб. — Он кивнул в сторону ржавых труб, которые тянулись от здания в темноту. — Мы не знаем точно, где он. Но он один. И у него оружия.

— Как оружия? — спросил кто-то.

— Забрал, — коротко ответил инструктор. — Автомат, патроны, всё забрал. Но сбежал один. Без группы.

Мы переглянулись. Дезертир. С оружием. Один. В лесу.

— Сейчас вам выдадут боекомплект. — продолжил инструктор. — Полный. Распределимся по позициям по периметру. Несколько групп пойдут на поиск. Остальные — на позициях. Задача — если он не выбрался за периметр, не дать ему уйти. Если увидите — задержите. Если будет сопротивляться — применяйте оружие. Поняли?

Мы кивнули.

Нас построили в очередь, выдали боекомплект. Полные магазины, по два штуки на брата. Я вставил магазин в автомат, передёрнул затвор, проверил. Патрон в патроннике. Автомат заряжен.

— Аробей, Толкиен! — позвал инструктор. — Вам вот туда. — Он указал на небольшое разрушенное здание возле труб. — Стоите там, смотрите. Если что — стреляете в воздух, даёте сигнал. Поняли?

— Поняли, — кивнул я.

Мы с Толкиеном взяли автоматы наготове и пошли к указанному зданию. Это было маленькое, одноэтажное строение, стены полуразрушенные, крыша местами провалилась. Рядом — те самые трубы, ржавые, толстые, уходили в темноту леса.

Мы зашли внутрь. Пахло сыростью, пылью, какой-то гнилью. Встали у окна, смотрели наружу. Темнота. Только силуэты труб, деревьев, каких-то построек.

— Ну что, — тихо сказал Толкиен. — Попали.

— Ага, — кивнул я. — Стоим тут, ждём.

— Думаешь, найдут? — спросил он.

— Не знаю, — пожал плечами я. — Лес большой. А он один. Может, уже давно ушёл.

Мы стояли. Смотрели в темноту. Автоматы наготове. Пальцы на спусковом крючке. Каждый шорох, каждый хруст ветки — и мы напрягались, всматривались.

Но ничего не происходило.

Только где-то вдалеке слышались голоса — это другие группы пошли на поиск. Несколько небольших групп, по три-четыре человека, прочёсывали лес, искали дезертира.

Мы стояли у окна, смотрели на трубы, которые уходили в лес. Думали о том человеке, который сбежал. Кто он? Почему решил дезертировать? Почему предал?

— Думаешь, он свой или чужой? — тихо спросил Толкиен.

— Не знаю, — пожал плечами я. — Может, думал, что тут одно будет, а оказалось другое. Может, испугался. А может, просто мразь.

— Может, — согласился Толкиен. — Но факт есть факт. Сбежал. С оружием. На ту сторону.

Время тянулось медленно. Час, два, три. Ночь не кончалась. Мы стояли, напряжённые, готовые к любому повороту. Но ничего не происходило. Только где-то вдалеке слышались голоса поисковых групп, хруст веток, иногда — окрики.

— Долго это будет? — тихо спросил Толкиен.

— Пока не найдут, — пожал плечами я. — Или пока не поймут, что он ушёл.

— Думаешь, ушёл?

— Не знаю. Может, уже давно на той стороне. А мы тут стоим, как дураки.

— Может, — согласился Толкиен. — Но нам стоять.

Мы стояли. Смотрели в темноту. Ждали.

Ночь не кончалась. И мы не знали, что будет дальше. Но чувствовали: что-то меняется. Что-то новое начинается. И это новое — не такое, как раньше. Это уже не учёба. Это уже не тренировки.

Так мы и простояли всю ночь.

Часы тянулись медленно, как смола. Каждый шорох заставлял вздрагивать. Хруст ветки — и мы замирали, вглядываясь в темноту. Шорох в трубах — и пальцы сами ложатся плотнее на цевьё. Где-то далеко крикнула ночная птица, и сердце на секунду пропустило удар.

Толкиен курил редко, по одной сигарете на час, пряча огонёк в ладонях. Я стоял, прижавшись спиной к холодной стене, и смотрел в сторону леса. Трубы уходили туда чёрной лентой, и казалось, что где-то там, в этой темноте, прячется человек. Человек с автоматом. Человек, который предал.

Мы не разговаривали. О чём тут говорить? Каждый думал о своём. Я думал о маме. О том, что она сейчас, наверное, спит, не зная, где я и что со мной. Думал о том, как бы ей позвонить, сказать, что всё нормально, что я жив, что не стоит переживать. Но телефона под рукой не было. Был только автомат, темнота и холод.

В десять утра, когда рассвет уже пробился сквозь облака, за нами пришли.

— Смена! — крикнул кто-то из-за угла. — Можно идти.

Мы выдохнули. Плечи опустились, спина заныла — только сейчас я почувствовал, как устал. Мы молча пошли обратно в здание, сдали пост, зашли в помещение. Бросились на спальные, не раздеваясь.

Проспали часов шесть. Крепко, без снов. Когда открыл глаза, было уже темно. В здании горела тусклая лампочка, кто-то тихо разговаривал в углу, кто-то курил у окна.

В начале шестого вечера нас подняли.

— Все на улицу! Построение!

Мы вышли. Холодно. Ветер пробирал до костей. Нас собрали возле большого ангара — человек триста, может, четыреста. Все своими взводами, все своими группами. Строй был неровный, уставший, но молчаливый.

Впереди стоял он. Самый главный. Тот, чьё имя у нас произносили с уважением и какой-то осторожностью. Высокий, широкоплечий, с лицом, обветренным до красноты. Он обошёл нас взглядом, медленно, словно считая.

— Ну что, бойцы, — начал он. Голос был негромкий, но слышно было каждому. — Как вас кормят?

— Нормально! — отозвались мы.

— Как обучают?

— Нормально!

— Как себя чувствуете?

— Нормально!

Он кивнул. Подошёл к кому-то в строю, спросил лично. Тот ответил, он что-то сказал в ответ, коротко, по-мужски. Потом обошёл ещё нескольких. Спросил про одежду, про обувь, про сон. Кто-то пожаловался — он выслушал, кивнул, пообещал разобраться.

А потом он замолчал. Посмотрел на нас. И голос его стал другим — жёстким, как сталь.

— Теперь слушайте все. — Он сделал паузу. — Дезертира поймали.

В строю стало тихо. Так тихо, что слышно было, как ветер шуршит в траве.

— Но не живым.

Он снова замолчал, давая словам дойти.

— Его нашли в лесу. В заброшенной избушке. Ему предложили сдаться. Понимаете? Предложили. Дали шанс. А он вместо этого открыл огонь.

Он обвёл нас взглядом.

— Двоих наших ребят убил. Двоих. Таких же, как вы. Которые пришли сюда, как и он, контракт подписали. А он в них стрелял.

В строю кто-то тихо выругался. Кто-то сплюнул.

— Остальным ничего не оставалось, — продолжил он. — Пришлось открыть ответный огонь. Убили его. Так что дезертира больше нет.

Он снова сделал паузу. И когда заговорил — голос его стал ещё жёстче.

— Но запомните все. Если не дай бог появятся ещё такие же — если кто-то из вас решит повторить его путь — его поймут. И перед всеми, перед всем личным составом, его казнят. Военное положение. Другого варианта не будет.

Он смотрел на нас. Мы смотрели на него. Никто не шелохнулся.

— А теперь хорошее, — сказал он, и голос его чуть потеплел. — Сегодня и завтра у вас будет возможность позвонить домой. Пять-десять минут. Поговорить с родными. Сказать, что живы. Что всё нормально.

В строю кто-то тихо выдохнул. Я тоже почувствовал, как внутри что-то отпустило. Мама. Я смогу ей позвонить.

— На этом всё, — сказал он. — Разойтись.

Мы разошлись. Кто на посты, кто по своим делам. А я — быстрым шагом в штаб.

Там был один телефон. Один на всех. И очередь за ним тянулась, как дорога в никуда. Я встал. Не помню, каким по счёту был, но шло всё медленно, нестерпимо медленно. Каждый, кто подходил к телефону, говорил долго, по десять, по пятнадцать минут, хотя говорили — пять-десять. Но кто их считал?

Три часа я простоял в этой очереди. Ноги гудели, спина ныла. В конце концов я ушёл. Решил — позвоню завтра днём. А через пару часов надо было снова заступать на ночную фишку.

После ночи, после поста — дождался завтрака. Поел, пошёл занимать новую очередь. Просидел в штабе до обеда. Очередь так и не подошла.

Сходил на обед. Отдохнул пару часов. Сказали — после обеда, в 14:00, снова можно звонить.

Пришёл к двум часам. На этот раз зашёл в первой десятке, очередь была небольшая — я оказался восьмым. Обрадовался. Ждал. Прождал ещё пару часов. Седьмой. Шестой. Пятый.

И тут заходит Толкиен.

— Аробей, — говорит. — Нас поставили на фишку. На два часа. Некого ставить.

— Да я сейчас, — говорю. — Мне пару минут осталось.

— Не могу, — качает головой. — Нарушение будет. Идем.

Я вышел из штаба с такой обидой, что аж в висках застучало. Так хотел позвонить. Так хотел услышать мамин голос. Сказать ей, что со мной всё хорошо, что не надо переживать. А тут — на тебе, иди на фишку.

Обидно было особенно от того, что передо мной оставался всего один человек. Ещё немного — и я бы взял трубку. Ещё чуть-чуть.

Но я быстро себя успокоил. В штабе сказали: после фишки придёшь — и без очереди. Пообещали.

Эти два часа на посту тянулись, как вечность. И, как назло, пошёл дождь. Сначала мелкий, противный, потом сильнее, сильнее — и вот уже льёт стеной. Промок до нитки. Вода текла по каске, за воротник, в ботинки. Автомат держал ближе к телу, прикрывал полкой, чтобы не залить.

Но отстоял. Два часа. Как только меня сменили — побежал. Бегом, через лужи, через грязь, прямо в штаб.

Забегая. Там двое — один разговаривает, другой ждёт очереди. Думаю — щас ещё этот отзвонится, и я.

Прошло минут пять.

И тут в дверь влетает Хитин. Мокрый, запыхавшийся.

— Срочный сбор! — кричит. — Все собираемся! Едем на вторую линию обороны!

Я замер.

— Что?

— Приказ поступил. Хохлы в наступление идут. Быстро!

Мне больше ничего не оставалось. Развернулся — и побежал обратно. Собирать вещи.

Снова.

Мама подождёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.